

Е.А. Добрынина*

E.A. Dobrynina*

Рождение музея: история в тридцати письмах и одной телеграмме**The Birth of the Museum: History in Thirty Letters and One Telegram**

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-11

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-11

УДК 069(091)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Добрынина Е.А. Рождение музея: история в тридцати письмах и одной телеграмме // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 160–182. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-11.pdf>

Dobrynina E.A. The Birth of the Museum: History in Thirty Letters and One Telegram // Historical Courier, 2020, No. 6 (14), pp. 160–182. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-11.pdf>

Abstract. In December 2020, the Irkutsk Decembrist Museum celebrates its 50th anniversary. The article is devoted to one of the aspects of creation of the Irkutsk Museum of the Decembrists – the birth of the idea of the museum and the attempt to bring it to life. Currently, the Irkutsk Museum of the Decembrists is not only the publisher of the legacy of the Decembrists, but also the custodian of several archives of famous Decembrists. Among them is the archive of the great-grandson of the Decembrist S.G. Volkonsky – Mikhail Petrovich Volkonsky. The article introduces into scientific circulation the complex of correspondence of 1960–1961 between the researcher of the Decembrists history S.F. Koval and M.P. Volkonsky, great-grandson of the Decembrist S.G. Volkonsky, and opens a new page in the history of creation of the Decembrists Museum in Irkutsk. The article covers in detail the trip of M.P. Volkonsky to Siberia in 1960, his scientific search and research on the history of the Decembrists. It also shows the relationship between people who stood at the origins of creation of the Irkutsk Museum of the Decembrists, the contribution of the Decembrist's great-grandson to the formation of collection of the future museum, the lively and ardent interest of M.P. Volkonsky to the Siberian history of the Decembrists. M.P. Volkonsky's idea of the creation of a museum of the Decembrists in Irkutsk was implemented by S.F. Koval.

Keywords: Irkutsk; Museum of the Decembrists; the Decembrists; S.F. Koval, M.P. Volkonsky; history of the museum.

The article has been received by the editor on 06.10.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В декабре 2020 г. Иркутский музей декабристов отмечает 50-летие. Статья посвящена одному из аспектов создания Иркутского музея декабристов – рождению идеи музея и попытке воплотить ее в жизнь. В настоящее время Иркутский музей декабристов является не только публикатором наследия декабристов, но и хранителем нескольких архивов известных декабристоведов. Среди них – архив правнука декабриста С.Г. Волконского – Михаила Петровича Волконского. В научный оборот вводится комплекс переписки 1960–1961 гг. видного сибирского декабристоведа С.Ф. Коваля и М.П. Волконского, правнука декабриста С.Г. Волконского – тем самым открывается новая страница в истории создания музея декабристов в Иркутске. В статье подробно освещается поездка М.П. Волконского в Сибирь в 1960 г., его научные поиски и изыскания по истории декабристов. Также показаны взаимоотношения людей, стоявших у истоков создания Иркутского музея декабристов, вклад правнука декабриста в формирование коллекции буду-

* Добрынина Елена Аркадьевна, директор, Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, Иркутск, Россия, e-mail: decemb-ed@mail.ru

Dobrynina Elena A., director, Irkutsk Regional Historic Memorial Decembrists' Museum, Irkutsk, Russia, e-mail: decemb-ed@mail.ru

щего музея, живой и горячий интерес М.П. Волконского к сибирской истории декабристов. Идея М.П. Волконского о создании музея декабристов в Иркутске была реализована С.Ф. Ковалем – ее горячим сторонником и деятельным соратником правнука декабриста.

Ключевые слова: Иркутск; музей декабристов; декабристы; С.Ф. Коваль, М.П. Волконский; история музея.

50 лет Иркутскому музею декабристов... Много это или мало? На наш взгляд, вполне достаточно, чтобы подвести некоторые итоги и наметить новые рубежи, а главное, рассказать о людях, про которых обычно говорят: они стояли у истоков...

Об одном из этих людей сказано уже немало. Имя Семена Федоровича Ковалья (1923–2005), видного сибирского историкографа, декабристоведа, общественного деятеля, вошло в анналы исторического факультета Иркутского государственного университета, оно прочно связано с документальной серией «Полярная звезда», ведь во многом благодаря ему серия выжила и продолжает издаваться в Иркутске (рис. 1). Именно он, заместитель главного редактора серии, на протяжении многих лет своей энергией, энтузиазмом, святой верой в нужность и важность издания наследия декабристов приводил в действие и заражал своей верой и редколлегию серии, и авторов новых томов о героях 14 декабря. В 2003 г. в музее декабристов к 80-летию С.Ф. Ковалья вышел библиографический указатель его работ за 1993–2003 гг., а также материалов периодической печати о нем. Светлой памяти Семена Федоровича посвятила свою книгу «Князь Сергей Волконский» Н.Ф. Караш, изданную музеем в 2006 г. Его именем названы ежегодные декабристские чтения – научно-практическая конференция Иркутского музея декабристов.

Рис. 1. С.Ф. Коваль.

На многочисленных научных форумах, посвященных проблемам истории политической ссылки, истории образования в Сибири и многих других, в научных докладах и воспоминаниях звучало имя ведущего сибирского декабристоведа.

В наших публикациях, посвященных 50-летию музея, имя Семена Федоровича как одного из главных вдохновителей и организаторов музея декабристов в Иркутске встречается неоднократно. Казалось бы, мы многое знаем о С.Ф. Ковале, но есть одна страничка его жизни, о которой писали и пишут так: «Вместе с профессором Ф.А. Кудрявцевым¹ и тогдашним градоначальником Н.Ф. Салацким² Семен Федорович сумел доказать, что Иркутску нужен музей декабристов, и немало сделал для формирования его научной концепции»³. «С.Ф. Коваль – один из инициаторов создания в Иркутске музея декабристов (1959–1970 гг.) и проведения научно-практических конференций по декабристской проблематике (1975, 1981, 1985, 1990, 1995, 2000)»⁴. Очень хочется привнести в эти фрагменты биографических справок живое тепло и энергию деятельного участия Семена Федоровича в рождении идеи и создании музея декабристов.

В редакционном предисловии к вышедшему в 2004 г. 25 тому серии «Полярная звезда», посвященному В.Л. Давыдову, С.Ф. Коваль писал: «Право издания серии перешло Иркут-

¹ Кудрявцев Федор Александрович (1899–1977), советский историк-архивист, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова.

² Салацкий Николай Францевич (1919–1993), советский и партийный деятель, председатель Иркутского горисполкома (1962–1980), почетный гражданин Иркутска.

³ Перцева Т.А. Коваль Семен Федорович (1923–2005) // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2008 год. Иркутск, 2007. С. 162.

⁴ Семен Федорович Коваль. Библиографический указатель. Иркутск, 2003. С. 1.

скому мемориальному музею декабристов, истинному ценителю первоисточников, так необходимых в музейной практике». В этих словах высокая оценка и глубокое понимание деятельности музея и его отношения к первоисточникам. Музейщики как истинные исследователи все больше и больше внимания уделяют архивным документам.

Иркутский музей декабристов в настоящее время не только является публикатором наследия декабристов, но и сам стал хранителем нескольких архивов известных декабристоведов. Среди них – архив правнука декабриста С.Г. Волконского – Михаила Петровича Волконского⁵ (рис. 2). Впервые об архиве иркутяне услышали в 1985 г. во время открытия Дома-музея Волконских в Иркутске, а музеем он был получен в 1990 г. Первая публикация об архиве появилась через пять лет. «История архива очень интересна, – писала научный сотрудник Музея декабристов Иркутского областного краеведческого музея Я.А. Шевченко, – он был получен музеем при содействии известного журналиста, давнего друга Музея декабристов, доцента кафедры журналистики Иркутского государственного университета Виталия Иннокентьевича Зоркина»⁶. В свою очередь, В.И. Зоркин получил архив от вдовы М.П. Волконского Киры Георгиевны.

Рис. 2. М.П. Волконский.

Подробно характеризуя ценные документы архива, автор статьи останавливается на его структуре, знакомит читателя с творческой лабораторией правнука декабриста, продолжившего семейную традицию работы с архивом Сергея Григорьевича Волконского.

«Очень содержательна переписка М.П. Волконского, – отмечает автор статьи – Она составляет 28 дел. <...> Михаил Петрович вел обширную переписку с архивами городов Тарту, Ленинграда, Читы, Оренбурга, Красноярска, Иркутска, Москвы, Тбилиси. Сохранилась переписка с Борисоглебской городской библиотекой о музее декабристов в имении Волконских – Павловке, Тамбовской губернии, с Заозерским народным музеем, многими исследователями-декабристоведами: М.В. Нечкиной, С.Ф. Ковалем, А.Г. Грумм-Гржимайло⁷, В.Г. Изгачевым⁸, Е.Д. Петряевым⁹...»¹⁰. К этому списку хотелось бы добавить еще Ф.А. Кудрявцева. Писем обоим корреспондентам сохранилось немного: четыре – М.П. Волконского и два – Ф.А. Кудрявцева. Но и эти немногочисленные документы – подтверждение взаимной симпатии и дружбы правнука декабриста и ведущего иркутского историка.

В каждом документе, в каждом письме архива М.П. Волконского – свидетельства его глубочайшего интереса к истории декабристов в целом и к судьбе С.Г. Волконского, ко всему, что связано с его пребыванием в Сибири. В связи с этим особенное значение приобретает переписка Михаила Петровича с сибирскими корреспондентами, а именно с

⁵ Волконский Михаил Петрович (1891–1961), князь, правнук декабриста С.Г. Волконского, русский оперный певец, актер, переводчик.

⁶ Шевченко Я.А. Личный архив М.П. Волконского в фондах Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Иркутск, 1995. Вып. 3. С. 72.

⁷ Грумм-Гржимайло Алексей Григорьевич (1894–1966), известный географ и историк, писатель, автор книг о декабристе А.О. Корниловиче, о Н.Н. Миклухо-Маклае. В 1939–1941 гг. руководитель библиотеки РГО.

⁸ Изгачев Виктор Григорьевич (1908–1981), канд. ист. наук (1941), заведующий кафедрой истории Читинского педагогического института, автор работ по истории Нерчинских заводов.

⁹ Петряев Евгений Дмитриевич (1913–1987), ученый-краевед, военный врач, библиофил. Автор научных работ по биологии, микробиологии и краеведению, кандидат биологических наук, член Союза писателей СССР.

¹⁰ Шевченко Я.А. Личный архив М.П. Волконского... С. 86.

С.Ф. Ковалем. Она охватывает незначительный отрезок времени: с 25 февраля 1960 г. по 1 июля 1961 г. Сохранилось 9 писем С.Ф. Ковалю и 22 письма и 1 телеграмма М.П. Волконского; письма своим корреспондентам Михаил Петрович печатал на машинке и оставлял у себя экземпляр.

Начало переписке было положено М.П. Волконским в связи с его предстоящей поездкой в Сибирь. Будучи хорошо знакомым с известным архивистом и исследователем Б.Г. Кубаловым¹¹, Михаил Петрович по его рекомендации обратился за помощью в архивных поисках к Ф.А. Кудрявцеву и С.Ф. Ковалю. 25 февраля 1960 г. М.П. Волконский писал:

«Дорогой Семен Федорович! Пишу Вам по совету Бориса Георгиевича Кубалова. Я собираю материалы, главным образом неопубликованные, касающиеся моего прадеда Сергея Григорьевича Волконского и его жены Марии Николаевны. В начале июня я буду в Иркутске и в Чите (творческая командировка). Писал я Федору Александровичу Кудрявцеву и получил от него очень обстоятельное и сердечное письмо, в котором он упоминает и о Ваших работах. Моя просьба к Вам заключается в том, чтобы подумать и подготовить к моему приезду все, что может быть мне полезным в моей работе. В Ленинской библиотеке я нашел несколько интересных писем прадеда, но что найду в Иркутске и в Чите – не ведаю. Кубалов говорит, что уже там все использовано, да и список, присланный Федором Александровичем, невелик. Быть может, у Вас найдется что-нибудь интересное, раз Вы так близко стоите к этому делу. Буду Вам крайне признателен и надеюсь встретиться с Вами в начале июня в Иркутске. Если найдете возможным черкнуть мне словечко – буду крайне признателен. Меня интересуют даже и самые незначительные заметки или записки, не только в личных письмах Сергея Гр[игорьевича], но и в письмах посторонних людей, которые могут осветить его характер и т.п.»¹².

О работах С.Ф. Ковалю Кубалов, с 1925 г. живший в Москве, знал из писем Ф.А. Кудрявцева. Очевидно, что профессор Кудрявцев, ученик одного из родоначальников иркутской школы декабристоведения, называл себя и других студентов кубаловского кружка его детьми. Федор Александрович обращался к Кубалову не иначе как «учитель»: «Я считаю себя воспитанником кубаловской школы историков Сибири. Ведь Вы благословили меня на путь исторического изучения этой обширной части нашего отечества, определили основные направления работы, методики исследования, приобщили к архивным ценностям. Я всегда благодарен Вам за это, дорогой учитель»¹³. «Вашу любовь к декабристской тематике, – делился Кудрявцев с учителем в одном из писем 1957 г., – я сохранил и передал своему ученику С.Ф. Ковалю – автору книги “Декабрист В.Ф. Раевский” (Иркутск, 1951). Он предполагает подготовить новое, дополненное издание этой книги. Ему же поручено Иркутским издательством написать брошюру “Декабристы в Иркутске”. Коваль систематически работает в архивах по теме “Общественная роль декабристов в Сибири”»¹⁴.

Своего ученика и последователя Семена Федоровича Ковалю Федор Александрович считал «внуком» Б.Г. Кубалова. Об этом свидетельствует письмо Бориса Георгиевича Ф.А. Кудрявцеву от 12 февраля 1957 г.: «...С работами С.Ф. Ковалю знаком. Не знал я только о том, что он до некоторой степени мой «внук». Работы этого молодого историка хотя и посвящены узким темам, но изложены довольно толково, от чего можно ожидать хорошую разработку и более широких тем»¹⁵. Сейчас уже трудно сказать, был ли Семен Федорович лично знаком с Б.Г. Кубаловым до 1960 г. Можно лишь предположить, что, бывая в Москве на конференциях и для работы в архивах, он не мог не встретиться с Куба-

¹¹ Кубалов Борис Георгиевич (1879–1966), историк, архивист, декабристовец. Основными темами научных интересов являлись история каторги и ссылки, история общественной жизни в Сибири. Его труды заложили основы сибирского декабристовецедения.

¹² Архив Иркутского музея декабристов (ИМД) 397/39. Док-478. Л. 17.

¹³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 8. (Из письма Ф.А. Кудрявцева Б.Г. Кубалову от 3 сентября 1961 г.).

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Иванов А.А. «...Любящий Вас Б. Кубалов» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 16. С. 225.

ловым, тем более, что из некоторых писем М.П. Волконского узнаем, с каким нетерпением он и Б.Г. Кубалов ждали приезда Ковалья в столицу.

Семен Федорович не замедлил с ответом правнуку декабриста. 29 февраля 1960 г. он писал Волконскому:

«Глубокоуважаемый Михаил Петрович!

Быть Вам чем-либо полезным – мое искреннее и большое желание. Рад буду встрече с Вами, только заранее хочу просить Вас по приезде в Иркутск, кроме времени, которое Вы отведете мне, оставить время для встреч со студентами исторического отделения, где я преподаю. Вы будете приняты тепло и с благодарностью. Декабристов люблю не только я, их любят и все студенты. И Вас, как правнука Сергея Григорьевича, мы примем с большим и теплым вниманием. Только, пожалуйста, не откажите в этой встрече и маленькой беседе!

Я приложу все силы, чтобы подготовить Вам самое интересное из того, что имеется в нашем архиве. Хотя я тему “Сибирь и декабристы” осилил еще не более чем на 20–30 %, но какие-то материалы мне известны, постараюсь узнать больше о С[ергее] Гр[игорьевиче] и М[арии] Ник[олаевне] за это время. И все, что окажется заслуживающим внимания, подберу для Вас. Для меня это не будет составлять трудности, т.к. я только вернусь к своему любимому делу, от которого немного оторвался в связи с польской ссылкой в Сибири и приближающейся конференцией историков Сибири и Дальнего Востока, где предстоит выступить с сообщением о поляках в Сибири (из предыстории Кругобайкальского восстания поляков в 1866 г.).

Остаюсь с самыми искренними к Вам чувствами и пожеланиями Вам здоровья и успехов в предпринятом Вами большим и нужном деле. Ваш С. Коваль.

P.S. Сообщенный Вам Федором Александровичем список дел о Сер[гее] Гр[игорьевиче] сделан мною по своим заметкам. Им, конечно, не охвачены все имеющиеся дела. К Вашему приезду подготовлю более полный список»¹⁶.

Михаил Петрович был очень рад сердечному участию С.Ф. Ковалья в архивных поисках и искренней заинтересованности в его приезде. Вместе с Ф.А. Кудрявцевым они очень хотели организовать встречу М.П. Волконского со студентами исторического факультета. В ответном письме Михаила Петровича читаем:

«Встреча с молодежью, со студентами исторического отделения будет для меня большой радостью. Все иркутяне мне как родные, если только они чтут память о декабристах. Вы сумели привить им интерес и любовь к этим первым революционерам, а потому, несомненно, у нас будет о чем поговорить. Только прошу Вас сделать именно интимную беседу – я не оратор, речей не умею да и не хочу произносить, ну а поговорить и рассказать кое-что из своих семейных воспоминаний с удовольствием сделаю. <...> Только прошу Вас передать студентам, чтобы они ничего особенного от меня не ждали, поделюсь чем могу, а научить их Вы можете гораздо большему, чем я»¹⁷.

Тщательнейшим образом готовясь к поездке, Михаил Петрович выверяет списки архивных дел, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области. В стремлении найти новые, неопубликованные материалы о жизни семьи прадеда в Иркутской губернии, он вновь обращается за помощью к С.Ф. Ковалю:

«Если же Вы сможете мне указать то ценное, что имеется у Вас о Серг[ее] Гр[игорьевиче] и М[арии] Н[иколаевне], я буду очень благодарен. Однако мне не хотелось бы чем-нибудь помешать Вашей работе; собранный Вами материал есть Ваше достояние, но об этом мы поговорим при свидании.

Очень мне мешает в работе то, что я хожу с палками, вообще много ходить не могу, а хотелось бы столько посмотреть, побывать и в Урике, и на Байкале, и в Чите, и в Петр[овском] Заводе. Все это для меня священные места. В те времена декабристы все ездили на Тункинские воды! Не полечиться ли и мне от моего злостного радикулита в этих водах. Сибирь ведь страна чудес!

¹⁶ ИМД 397/38. Док-477. Л. 1–1 об.

¹⁷ ИМД 397/39. Док-478. Л. 1.

Я не знаю, как вас всех благодарить за отзывчивость и милые, сердечные письма. Заранее радуюсь познакомиться со всеми вами. Прошу Вас передать от меня привет и молодому поколению, я их очень люблю и ценю»¹⁸.

О путешествии в Сибирь, о новых знакомствах, впечатлениях, поисках и находках узнаем из писем друзьям и путевых очерков Михаила Петровича. Он приехал в Иркутск 8 июня 1960 г. Провел в Сибири два месяца, побывал не только в Иркутске, Урике, Оёке, но и за Байкалом: в Чите и Петровске-Забайкальском. Его первый творческий отчет о поездке был опубликован в газете «Восточно-Сибирская правда»¹⁹ (рис. 3). По словам М.П. Волконского, он ехал в Сибирь, так же как и его прабабка Мария Николаевна, как в «землю обетованную». Иркутск сразу влюбил в себя правнука декабриста, поразив обилием красивых зданий, скверов, своеобразной и не банальной архитектурой старых деревянных домов. Он посетил все места в городе, связанные с декабристами, и, конечно же, усадьбу Волконских: «Но вот и Волконский переулок, дом № 10. Дом Сергея Григорьевича, вместительный, двухэтажный, хорошо сохранился. Его не так давно отремонтировали. <...> На доме две мемориальные доски указывают, что прадед жил в этом доме с 1844 по 1856 год»²⁰. М.П. Волконский тут же увидел ошибку в начальной дате и привел в статье некоторые аргументы в пользу ее изменения, но в то время никто на это не обратил внимания.

Пожалуй, именно в этой публикации впервые прозвучала идея о создании в Иркутске музея декабристов. «Почему бы не создать в доме Волконского, – писал Михаил Петрович, – музей декабристов, быть может собрав в него все, что касается их ссылки и поселения в Восточной Сибири? Скажут, что не так-то легко. Но никакое большое дело легко не дается. Об этом следует, по-моему, серьезно подумать»²¹. Завершая обзор своего путешествия и подводя итоги двухмесячным трудам, М.П. Волконский называл это время счастливым, а впечатления незабываемыми, но особое чувство благодарности и признательности он испытывал к людям: «Но особенно дорого мне было встретиться с сибиряками – учеными, декабристоведами, краеведами и простыми жителями Иркутска, Читы и Петровска. Не забыть их ласкового приема, их готовности помочь, объяснить их живой интерес к нашему прошлому»²².

После возвращения в Москву Михаил Петрович вновь и вновь обращался к неразрешенным иркутским вопросам и неотложным делам, например спасению ценных дел иркутского архива. 6 августа 1960 г. он писал С.Ф. Ковалю: «Дорогой Семен Федорович! Вот я и дома. Кончилась сибирская сказка. Но если тело мое здесь, то душа и сердце остались в дивной Сибири, со всеми вами. Живу только своими впечатлениями. Как было хорошо! Сколько я видел, каких людей встретил!!! Прочли ли в газете мой очерк? Я рад, что начал с Иркутска. Теперь надо писать для “Ангары”. Завтра иду к Кубалову, и будем объединяться, буду говорить о необходимости спасти документы в иркутском архиве. Это неотложное

Рис. 3. Газета «Восточно-Сибирская правда» с очерком М.П. Волконского.

¹⁸ ИМД 397/ 39 Док-478. Л. 1 об.

¹⁹ Волконский М.П. По заветным местам // Восточно-Сибирская правда. 1960. 30 июля.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

дело»²³. И вновь 9 августа: «Еще не получив от Вас ответа, снова пишу к Вам с риском надоесть. Но что поделаешь. Мне не хочется терять с Вами связь, и буду сообщать Вам все, касающееся общего дела – декабристов. А Вы не обязаны отвечать, сейчас время отдыха. Набирайтесь сил для зимы. Был я у Кубалова, он лежит, у него было, между нами говоря, маленькое кровоизлияние, но сейчас лучше (это между нами, он, быть может, не хочет, чтобы об этом знали)»²⁴.

За время поездки накопились вопросы, которые не нашли разрешения, поэтому М.П. Волконский адресовал их Семену Федоровичу в письмах из Москвы:

«Теперь о деле. Я, перечитывая книгу моего дяди Сергея Михайловича “О декабристах” (Пг., 1922), натолкнулся на такую фразу про жизнь прадеда в Иркутске: “Волконские жили в собственном доме. Деревянный дом, перевезенный из Урика, стоял на высоком месте; из каждого окна открывался великолепный вид. В этом доме впоследствии было городское училище...” Вот тут-то и было бы интересно сравнить виденный нами дом в Иркутске с домом, изображенным на снимке, о котором я Вам писал “В Урике”²⁵. Но из какой книги он взят и вклеен в Зензиновскую книгу, которую мне показывали в Петровске? Вот в чем вопрос, как сказал Гамлет. <...> Но вообще слышали ли Вы о том, что дом перевезен из Урика? Что-то он слишком велик для Урика и, насколько помню, не похож на дом, изображенный на рисунке. Вот одна из многочисленных загадок, которые мне необходимо разрешить. Когда отдохнете и побываете в библиотеке, то, может быть, что-нибудь и удастся Вам найти. <...> Так и позабыл спросить Федора Александровича, известно ли ему о доме, принадлежавшем дочери С[ергея] Г[ригорьевича] Елене С[ергеевне] Молчановой и о котором С[ергей] Г[ригорьевич] писал ген[ерал]-губ[ернатору] Корсакову, прося его купить в казну. Тоже любопытно»²⁶.

Загадки эти были разрешены Евгением Александровичем Ячменевым²⁷, первым обратившимся к теме истории дома Волконских, но произошло это лет тридцать спустя.

Семен Федорович ответил на несколько писем сразу.

«Дорогой Михаил Петрович!

Приехал из экспедиции и обрадовался стопочке писем, которая меня ожидала на столе. Ваши письма (одно из Ирк[утска], другое из Москвы) были здесь же. Очень рад, что Вы, в общем-то, благополучно закончили работу и добрались до родной Москвы. Жаль только, что мы с Вами не встретились еще раз в Иркутске и я не проводил Вас. Вероятно, уезжали одни?! Был в архиве и узнал, что девушки Вас проводить не смогли. Получил от них три экземпляра Вашей статьи, но одну испортил, поэтому высылаю Вам две. Постараюсь достать еще, тогда вышлю или привезу сам, как буду в Москве, думаю поехать в конце августа.

Экспедиционная поездка была плодотворной. Работа была интересной. Пришлось быть и археологом, и этнографом, и историком. Со своим отрядом я собирал преимущественно историко-революционный материал, но помогал и другим отрядам. Удалось обнаружить интересный материал по истории гражданской войны и партизанского движения, но особый интерес представляют найденные стихи бывшего матроса с броненосца «Потемкин», написанные в ссылке в Сибири. Сам он умер в 1924 г., а стихотворения (незначительная часть!) сохранились у его товарища. Теперь они у меня, и надо их обязательно опубликовать. Недостаёт некоторых данных о самом авторе, которые думаю разыскать по приезду в Москву в архиве. Фед[ор] Александрович поработал в архиве Нижнеилимска, собрал тоже некоторый материал. Немного, конечно, и отдохнули все, несмотря на беспокойную мошку и слож-

²³ ИМД 397/39/ Док-478. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Очевидно, речь идет об ошибочной подписи «Дом Волконского в Урике» на фотографии дома Волконских в Чите из альбома А.К. Кузнецова.

²⁶ ИМД 397/39. Док-478. Л. 3.

²⁷ Ячменев Евгений Александрович (1957–2008), историк, музыкант, кандидат искусствоведения, общественный деятель, директор Иркутского музея декабристов (2000–2008).

ность пути (и водой, и жел[езной] дор[огой], и самолетом). Все довольны поездкой и очень обрадованы были очень хорошей Вашей статьей. Прекрасная статья! Без преувеличения.

Относительно Ваших вопросов, дорогой Михаил Петрович, то они действительно загадка и для нас. Так просто не разгадать. Необходимо время и труд. А сейчас есть первое, но недостает второго. Время отпускное, хочется отдохнуть. В сентябре-октябре буду очень рад, если окажу Вам какую-нибудь помощь в разгадке этой интересной загадки. К тому же мне необходима будет поездка в Петровский Завод. А сейчас мне предстоит еще переделать статью для Инст[итута] славяноведения о поляках. Фед[ора] Алекс[андровича] не спрашивал о доме Е.С. Молчановой и думаю, что едва ли он знает. Он бы не раз об этом говорил, если бы знал. Но увижу его – спрошу.

Буду в Москве (если все будет благополучно и планы не изменятся!), то обязательно навещу Вас. От Бориса Георгиевича получил письма тоже. Он сильно болен. Что-то вроде кровоизлияния в мозг. Лежит. Может быть, Вы уже у него были, то, пожалуйста, напишите, каково его истинное состояние, т.к. сам он всего, конечно, не написал.

Крепко Вас обнимаю. Ваш С. Коваль. 10/VIII-60 г.»²⁸

Получив долгожданное письмо от дорогого и уважаемого корреспондента из Иркутска, Михаил Петрович тотчас отвечал ему:

«13 авг[уста] 1960. Дорогой Семен Федорович!

Только что получил Ваше письмо со вложением газет. Спасибо и больше не присылайте, так как мне прислали из редакции, да еще одна еле знакомая девушка прислала и статью, и «интервью» с портретом. Видели ли Вы его? <...> Сейчас, окрыленный Вашим отзывом, который мне бесконечно ценен, я пишу статью для «Ангары». Тема: иркутский период ссылки С[ергея] Г[ригорьевича]. Туда войдут и Урик, и Иркутск. Дам выдержки, очень незначительные, из неопубликованных писем, что, конечно, подымет интерес статьи. Хочу поскорее кончить и отправить, а то бог знает еще когда появится. <...>.

У дорогого Бориса Георгиевича был, даже попал случайно в день его 81!! Ему лучше, разрешили встать и посидеть. Голова свежая, рад был моему приходу и много расспрашивал и говорил. Так что думаю и надеюсь, что все обойдется. О Вашем приезде он знает. Хорошо было бы сойтись нам у него. По приезде позвоните мне по телефону Г-4-28-31, лучше пораньше утром в 8 или 9, так как потом я ухожу в библиотеку. Никого не побеспокоите, я сейчас один, вся семья далеко разъехалась. И мне лафа (как говорил мой прадед) работать. Как ни странно, но у него я видел некоторые черты характера, схожие со мной, что меня очень радует.

Как хорошо, что вы нашли интересные вещи во время экспедиции. Жаль, что не смог проковылять за Вами по таким интересным местам. О Сибирь! Сибирь! Как крепко она въедается в сердце и в существо человека. Только и думаю теперь, как и когда смогу еще туда попасть. <...>.

После холодов снова, к счастью, тепло. Но я ничего не замечаю – занят только декабристами, они одни у меня в старой башке. Только бы успеть сделать что-нибудь по этой линии, и я смогу сказать, что недаром прожил»²⁹.

Несмотря на большую занятость, С.Ф. Коваль не оставлял без внимания просьбы и поручения правнука декабриста. Продуктивным оказался поиск иркутянки О.И. Тихоновой, о которой Михаил Петрович написал С.Ф. Ковалю в письме от 9 августа:

«Сегодня получил письмо от незнакомой гражданки Тихоновой Ольги Ивановны, проживающей по ул. Баррикад № 91, кв. 1. Она прочитала мою заметку в газете и очень сожалела, что не знала о моем пребывании в Иркутске. Ее дед, Смагин, был молочным братом Елены Сергеевны, дочери Марии Николаевны! У нее были вещи, шкатулка (пропала), осталось зеркало. Но главное, прабабка ее была кормилицей, а потом няней у декабристов, и, уезжая, мои предки в благодарность купили и подарили ей дом на Поплавской улице с тремя флигелями. Так, по-видимому, называлась раньше ул. Баррикад, так что, по-видимому, они еще

²⁸ ИМД 397/38. Док-477. Л. 2–2 об.

²⁹ ИМД 397/39. Док-478. Л. 5.

живут в том доме. Все это очень интересно, и обидно, что я не знал этого раньше. Виновата отчасти газета. Надо было и мне подумать и просить напечатать хоть два-три слова о моем приезде, дабы вызвать возможный ответ со стороны жителей. Обидно. Одно только меня смущает: матери ее 67 лет, т.е. она одного со мной поколения, так каким же образом отец этой матери мог быть молочным братом Елены Серг[еевны], родившейся в 1834 году. Ему теперь было бы 126 лет!!! Если когда-нибудь будете проходить по улице Баррикад (где это??), то, может быть, зайдете и посмотрите на зеркало, а также спросите, нет ли документов о даре дома! Это было бы важно. Написал я самой Тихоновой о том же, факт это важный, и я хочу его использовать»³⁰.

В статье об архиве М.П. Волконского Я.А. Шевченко, излагая историю находки ценного экспоната – настенного зеркала, приводит фрагменты письма С.Ф. Ковалья, но очень краткие и лишь частично раскрывающие обстоятельства дела. У автора не было задачи подробно изложить историю поступления предмета в коллекцию музея, к тому же материалы, подтверждающие историю кормилицы, и ее имя были найдены Е.А. Ячменевым в письмах иркутского чиновника Г.А. Трапезникова к С.Г. Волконскому³¹. В настоящее время музей располагает значительным комплексом источников о жизни семьи Волконских в сибирской ссылке, позволяющим найти новые факты и свидетельства, а также уточнить уже имеющиеся. В значительной степени это относится и к судьбе настенного зеркала из коллекции музея декабристов.

13 ноября 1960 г. С.Ф. Коваль писал М.П. Волконскому:

«Дорогой Михаил Петрович! Миллион извинений за столь длительное молчание. Право, не от меня зависело ускорение ответа на ваши вопросы, которыми я занялся сразу же по приезде домой. Если не считать непродолжительного срока обострения моего бронхита, когда я не выходил почти из квартиры, остальное время я занимался Вашими вопросами, оказавшимися неожиданно такими “тяжелыми”. <...>.

Чуть легче оказалось поймать Ольгу Ивановну Тихонову. Трижды я приходил неудачно: то ее не было дома, то мне не открывали (старушка-мать, вероятно, побаивалась одна дома и просто не открывала в отсутствие дочки). И только в четвертый раз я застал Ольгу Ивановну дома, вернее, скараулил ее возвращение домой с работы и встретил в калитке. Так удалось мне попасть в дом и посмотреть зеркало. Оно очень простое по отделке, черного дерева. С простым резным узором, и сказать, что оно декабристское, трудно. Хотя вполне могло быть им, как и могло быть подарено «кормилице» Анне Смагиной – бабке Ольги Ивановны. Ольге Ивановне Тихоновой 42 года, отец ее Иван Григорьевич умер примерно в 1924 г. в возрасте около 80 лет. Следовательно, он родился около 1856 г. А мать его – Анна Смагина – “кормилица” дочери Елены Серг[еевны] Волконской. Как будто так и могло бы быть.

Но утверждать определенно нельзя, как не удастся найти упоминания в письмах или других бумагах Волконских имени этой кормилицы. Посмотреть подаренный дом не удалось еще. А относительно того, из Петровска ли эта самая “кормилица”, то неизвестно, никто из них не знает. Вот примерно, схематически как выглядит это зеркало (общие размеры: примерно 1 м × 0,40).

Стекло уже заменялось, на дерево накладывался черный лак. Других вещей, документов, шкатулки не сохранилось.

Вот то небольшое, что можно было бы в других случаях и значительно быстрее узнать, чем в данном случае»³² (рис. 4).

В письме С.Ф. Ковалья есть две неточности. Во-первых, М.П. Волконский интересовался прабабкой О.И. Тихоновой, а во-вторых, Иван

фондах ИОКМ. С. 89.

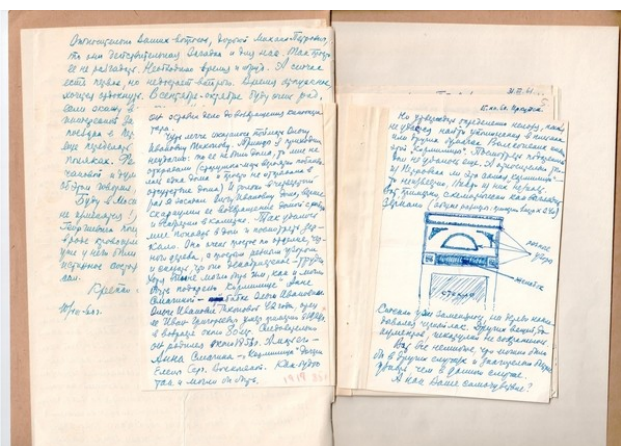

Рис. 4. Рисунок зеркала из письма С.Ф. Ковалья от 13 ноября 1960 г.

Григорьевич не мог быть ее отцом, поскольку должен был стать им за 6 лет до смерти в возрасте 74 лет. Мать же О.И. Тихоновой была почти ровесницей правнука декабриста.

Свои сомнения М.П. Волконский вновь высказал в письме С.Ф. Ковалю от 20 ноября 1960 г.:

«Дорогой Семен Федорович!

Спасибо большое за Ваше милое письмо. Я в отчаянии, что задал Вам столько хлопот, ради бога извините. <...> Самое темное дело – это о «кормилице», так как годы, которые Вы даете в письме, во-первых, не совпадают с годами, которые мне написала Тихонова, и, во-вторых, вообще не совпадают с жизнью. У Вас отец ее умер “примерно в 1924 г.” “в возрасте около 80 лет. Следовательно, родился около 1856 г.”. Подсчитайте, увидите, что неверно, если ему было 80 в 1924, то родился он в 1844 г. Но тогда он не мог быть молочным братом Елены Серг[еевны], родившейся в 1834!! А Ольга Ивановна пишет, что он умер в 1919, если ему было тогда 85 лет, то он родился в 1834, что и требовалось доказать. Но почему они ничего не знают о Петровском Заводе – весьма непонятно. Вообще эта история мне не вполне ясна, но больше не хочу Вас затруднять. Авось судьба мне улыбнется, снова увижу милый Иркутск и тогда сам все разублажу»³³.

М.П. Волконский совершенно обоснованно сомневался, что прабабушка Тихоновой была кормилицей Елены Сергеевны Волконской. Несовпадение возраста «молочного брата», отсутствие информации о пребывании Смагиных в Петровском Заводе, где родилась Нелли, как называли Елену в семье, – эти два факта свидетельствовали о том, что Анна Смагина не могла быть кормилицей Нелли. К тому же сейчас мы точно знаем из писем М.Н. Волконской к родным, что княгиня Мария Николаевна кормила Неллиньку сама. Но кормилица в доме Волконских была, и для семьи она являлась очень нужным и важным человеком. Только кормилица не Нелли, а Сережи Молчанова, родившегося в Иркутске в 1853 г. О ней, правда, без указания имени, множество упоминаний в приходо-расходной книге М.Н. Волконской. Помимо жалования в 50 руб., ей давали деньги, дарили подарки, покупали ткань на платья, одежду для ее детей, Нелли и Дмитрий Васильевич передавали приветы и поцелуи в письмах, присылали подарки в посылках из Москвы. Сведения об имени кормилицы были обнаружены Е.А. Ячменевым в письмах Г.А. Трапезникова С.Г. Волконскому. Трапезников вел дела Волконских по продаже дома, вещей, оставшихся после отъезда из Иркутска. На попечении Гермогена Андреевича оказалась и кормилица Сережи Молчанова: «По поручению вашему был я у кормилицы, живет она ладно, о вас вспоминает с любовью, на мужа пока не жалуется, он ведет теперь себя хорошо и сам хлопочет, как бы попасть на прииски <...>. После отъезда вашего выстроено у них во дворе новенькое зимовье. Я его осматривал и нашел порядочную комнату, остается только до-

жить немного печи», – писал Трапезников Волконскому 9 декабря 1856 г.³⁴ Далее в этом же письме: «Я и кормилица с нетерпением ожидаем весны, чтобы составить для доброго Дмитрия Васильевича простое лекарство – мазь из земляных червей, которою по совету одного ламы вылечились в Иркутске двое, страдающих по три года точно так же, как и Д[митрий] В[асильевич]. Обо всем этом собрала сведения добрая Аннушка, и, Бог даст, дождемся лета, непременно это исполним»³⁵. История с зеркалом кормилицы не имела продолжения в 1960 г. Лишь в 1987 г. оно было подарено музеем и с этого времени находится в экспозиции дома Волконских (рис. 5).

После довольно оживленной переписки в августе, особенно со стороны М.П. Волконского, наступает небольшой перерыв,

Рис. 5. Зеркало в экспозиции кабинета М.Н. Волконской в Доме-музее Волконских.

русской литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ). Ф. 57. Оп. 1. Д. 245. Л. 3.

объясняемый обоими корреспондентами занятостью. Но желание общаться и обмениваться новостями и результатами работы было сильнее. Поэтому, возобновившись, переписка уже не прекращалась вплоть до болезни и смерти М.П. Волконского. В одном из писем Волконскому Семен Федорович подробно описывал свои научные занятия:

«Дорогой Михаил Петрович!

Давненько уже я с Вами не вел беседы: был действительно сильно занят. Выполнял заказ по архиву для Серг[ея] Влад[имировича] Обручева³⁶ по Чекановскому³⁷. Одновременно подвернулось мне дело о распространении “Памяток” Л.Н. Толстого (“солдатской” и “офицерской”)³⁸ в Чите, в 1902 г. – и я загорелся этой темой, написал совместно с одним из членов нашей кафедры статью по этому поводу – “Начало социал-демократического движения в Сибири и Л.Н. Толстой”³⁹. Куда определим ее – не знаем пока, но дело сделано.

Потом выполнял заказ радио – делал передачу для молодежи о Пушкине и декабристах. Сейчас телевидение просит передачу о декабристах в Сибири, и отказать почти невозможно, т.к. просьба исходит от супруги, которая возглавляет там литературно-драматическую редакцию⁴⁰. И для газеты бы надо дать маленькую статью, но... где взять время, чтобы все это успеть!?

Вот так, дорогой Михаил Петрович, приходится иногда вертеться, что забываешь о еде, не то что о других потребностях.

Крепко Вас обнимаю, желаю самых больших успехов, хорошего самочувствия и бодрости. Искренне Ваш С. Коваль.

15.XII.60»⁴¹.

Часто в письмах к С.Ф. Ковалю Михаил Петрович с большим уважением и любовью говорил о Б.Г. Кубалове, с которым очень подружился. 19 декабря 1960 г. он писал в Иркутск: «Дорогой Семен Федорович! Приближается Новый год, и я, немного рано, желаю Вам от всего сердца всевозможного счастья, а главное, удовлетворения в работе. Это самый важный стимул в жизни. Ваше обещание приехать в ноябре в Москву Вы так и не исполнили – жаль. Но часто с Борисом Георгиевичем вспоминаем Вас с любовью. Он читает мне отрывки из Ваших писем. Бываю у него чуть не два раза в неделю и надоел ему порядком, но очень его люблю и ценю. Прекрасный знаток Сибири, декабристов и чудесный человек!»⁴²

Очень волновала правнука С.Г. Волконского и судьба его очерка, который должен был выйти в иркутском литературном альманахе. Михаил Петрович писал С.Ф. Ковалю:

«На днях высылаю в “Ангару” свою статью. Очень надеюсь, что они ее примут – там много никогда не опубликованного материала, и мне приятно будет дать его именно в Иркутск, о котором у меня сохранилась самая приятная память. Кроме того, вся статья посвящена иркутскому пребыванию моего прадеда и для иркутян интересна. Если у них будут кое-какие перемены (что всегда бывает), то я против них не буду возражать, за исключением цитат, кот[орые], понятно, нельзя трогать или изменять. Стыдно мне просить Вас, дорогой, но если тоже могли туда через некоторое время позвонить (Титову) и спросить, как идут дела с моей статьей, Вы окажете мне большую услугу.

Дел у меня очень много, декабристы меня приятно заедают!!! Так надеюсь, что мне удастся напечатать двадцать писем прадеда, которые в рукописном отделе Лен[инской] Библ[иотеки]. Расшифровку я кончил, хотя есть еще несколько неразобранных мест. Оста-

³⁶ Обручев Сергей Владимирович (1891–1965), советский геолог, чл.-кор. АН СССР (1953).

³⁷ Чекановский Александр Лаврентьевич (1833–1876), участник польского восстания 1863 г., политический ссыльный, геолог и исследователь Средней Сибири.

³⁸ «Солдатская памятка» Л.Н. Толстого стала ответом на памятку генерала Драгомирова, получившую в 1890 г. распространение в солдатских казармах. Солдатская и офицерская «памятки» были написаны в 1901 г.

³⁹ Статья была опубликована в альманахе «Ангара» № 3 за 1961 г. в соавторстве с В.Т. Агалаковым.

⁴⁰ Коваль Нина Иосифовна, в 1950-х гг. редактор Восточно-Сибирского книжного издательства, впоследствии заведующая литературно-драматической редакцией Иркутского областного телевидения.

⁴¹ ИМД 397/38. Док-477. Л. 5.

⁴² ИМД 397/39. Док-478. Л. 7.

ются комментарии, справки и прочая «вермишель», столь необходимая для читателя. На все надо время, а помимо декабристов, я же делаю переводы. Для машины надо ведь топливо! А все, что уводит меня от моей прямой обязанности т.е. работы о декабристах, мне крайне неприятно. Ну, наболтал с три короба. Так хотелось бы повидать Вас. Иногда вижу Вас и Ваше улыбающееся лицо, вспоминаю, как Вы были ко мне добры, как за мной ухаживали, как сидели с той девушкой на вокзале (она-то, наверно, никогда об этом “событии” и не вспоминает!! Женщины так легкомысленны!). Буду рад еще раз повидать Вас, дорогой Семен Федорович. Сердечный привет Федору Александровичу, Зинаиде Александровне и всем, кто еще помнит меня в милом Иркутске»⁴³.

В следующем письме, от 25 декабря, М.П. Волконский сожалел, что не знал о готовящейся передаче на иркутском телевидении и сообщил о документе, свидетельствующем, как при участии С.Г. Волконского могла измениться судьба великого русского поэта:

«Большое спасибо за Ваше милое письмо от 15-го – оно разминулось с моим предыдущим. Вижу, что у Вас много интересной работы. Жаль, что не знал о передаче “Пушкин и декабристы”. Мог бы Вам сообщить то, что, быть может, ускользнуло от Вашего внимания. Мало кто это знает, а именно, что моему прадеду было поручено “завербовать” Пушкина в тайное общество, но он отказался, а потом жалел, считая, что в Сибири Пушкин уцелел бы (см. письмо моего деда М.С. В[олконск]ого к академику Майкову⁴⁴ в Лит[ературном] наследстве № 58). Это могло бы Вам пригодиться. <...>

Так счастлив даже думать о Сибири и всех моих друзьях. Поверьте, что никогда не забуду этого счастливейшего времени в моей жизни. А надо мной смеются здесь, не понимают, как Сибирь и сибиряки прекрасны! Буду мечтать попасть туда хоть один раз еще!!! Но... не так-то легко это исполнимо.

Спасибо за счастье и помощь. Еще раз всех благ в Новом году»⁴⁵.

Желание вновь посетить Сибирь М.П. Волконский неоднократно высказывал в письмах к сибирякам, и оно находило искренний отклик у каждого из них. «Дорогой Михаил Петрович! – писал С.Ф. Коваль в поздравительной открытке, – Письмо Ваше получил, спасибо! Подробнее отвечу позднее немного письмом, а сейчас, пользуясь случаем, поздравляю Вас и Вашу супругу с наступающим Новым, 1961 годом и желаю самого большого счастья в жизни и пребольших успехов на поприще научной и литературной деятельности! Желаю Вам совершить в 1961 году такую же интересную и плодотворную поездку в Сибирь! Добро пожаловать, дорогой Михаил Петрович! Крепко Вас обнимаю, искренне Ваш С. Коваль. 25.XII.60»⁴⁶.

Помимо текущих декабристских дел, постоянно обсуждаемых в переписке правнука декабриста и декабристоведа, в январе 1961 г. в ней появляется новая тема – создание в Иркутске музея декабристов. М.П. Волконский написал Семену Федоровичу о своей встрече с одним из членов московской инициативной группы:

«Недавно я виделся с проф[ессором] МГУ Степановым (географ)⁴⁷, который был в Иркутске на съезде по случаю 40-летия ГОЭЛРО⁴⁸. Он интересовался декабристскими местами, и там ему рассказали о моей летней поездке, он и захотел со мной познакомиться и очень заинтересовался возможностью открытия музея декабристов в доме Волконского в Иркутске. Возможно, что это дело и сдвинется, так как он хочет заинтересовать мир науки в этом деле. Дай бог! Сообщу о дальнейшем.

⁴³ ИМД 397/39. Док-478. Л. 7–7 об.

⁴⁴ Майков Леонид Николаевич (1839–1900), видный исследователь истории русской литературы, действительный член Петербургской Академии наук.

⁴⁵ ИМД 397/39. Док-478. Л. 8 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Степанов Петр Николаевич (1887–1988), доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии СССР (1941–1943; 1947–1948) географического факультета МГУ.

⁴⁸ Научная конференция по проблеме «Деятельность КПСС по претворению в жизнь ленинского плана сплошной электрификации страны» состоялась в Иркутске 19–21 декабря 1960 г.

Дорогого Кубалова выдаю почти еженедельно, очень его люблю и ценю, он все еще не выходит и очень скучает. Вспоминаем каждый раз Вас и всех иркутских друзей. Как Ваши дела? Наверно, завалены работой. Я тоже много работаю и, надеюсь, вскоре смогу сообщить о кое-каких результатах. Вспоминаю всех моих друзей-иркутян и всем шлю привет самый сердечный»⁴⁹.

«О дальнейшем» Михаил Петрович сообщил по прошествии десяти дней, 27 января 1961 г.:

«Дорогой Семен Федорович!

Только что получил письмо от товарища Титова с похвалой моей статьи и известием, что она будет напечатана в первом номере альманаха (только не сказано, когда именно). Так что мое последнее письмо с просьбой узнать о судьбе статьи отпадает. Простите за беспокойство. <...> Так рад, что статья моя появится именно в Иркутске. Вы мне расскажете о впечатлении и отзывах читателей. Она должна заинтересовать и специалистов, поскольку дает НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ материал (правда, не целиком привожу письма, но все же интересно). Ну и надоел же я Вам, простите, дорогой. Надеюсь, что работа Ваша идет успешно. Я иду по Вашим следам, в том смысле, что в ЦГИА просматриваю материалы III-го отделения, и всюду вижу Вашу подпись “просмотрел”, “выписал”. Там есть много интересного. Вообще еще многое можно сделать. Были бы силенки.

На мою статейку в «Лит[ературной] газете» я получил отклик из... Армавирского краеведческого музея, который всецело поддерживает мою мысль о создании в Иркутске музея декабристов и готов прислать даже экспонаты. Все это очень заманчиво, но, по некоторым соображениям, о которых скажу при свидании, пока, по-видимому, придется подождать. Сейчас нельзя рассчитывать на расходы по устройству музеев и т.п. Но дорого то, что хоть поняли и оценили мою мысль. Когда же Вы появитесь на нашем горизонте? Буду так рад Вас видеть»⁵⁰ (рис. 6).

Заметка М.П. Волконского в «Литературной газете» была ответом на небольшую статью аспиранта МГУ В.В. Бараева⁵¹ «Реставрировать дом декабристов», в которой автор выражал крайнюю озабоченность удручающим состоянием дома Кюхельбекеров в Баргузине и предлагал устроить в нем после реставрации филиал Бурятского краеведческого музея. «Вполне присоединяюсь к мнению Вл. Бараева, – писал в своей заметке Михаил Петрович, – о необходимости реставрировать дом в Баргузине, спасти его от гибели. И, конечно же, на всех домах декабристов должны быть мемориальные доски. Не совсем согласен с автором статьи только в одном: разумеется, в доме Кюхельбекера можно создать филиал краеведческого музея, но мне кажется, что наша главная задача – не распыление материалов о декабристах, а собирание их в одном месте. Это значительно облегчило бы работу историков. Поэтому я думаю, что подходящим местом для такого центрального музея декабристов мог бы быть дом С.Г. Волконского в Иркутске – большом городе, областном центре»⁵². Скорее всего, именно идея объединения всего материала о декабристах в одном центральном музее

Рис. 6. «Литературная газета» от 17 декабря 1960 г. с заметкой М.П. Волконского.

⁴⁹ ИМД 397/39. Док-478. Л. 9–9 об.

⁵⁰ Там же. Л. 10.

⁵¹ Бараев Владимир Владимирович (1933–2018), советский и российский писатель, журналист. После окончания философского факультета МГУ вернулся в Бурятию. В 1959–1961 гг. учился в аспирантуре МГУ. Автор книг, статей, составитель родословных Бестужевых, Кандинских, Сабашниковых, Бараевых.

⁵² Волконский М. Дома декабристов Сибири // Литературная газета. 1960. № 149. 17 декабря.

и нашла поддержку у сотрудников Армавирского музея, где в это время работал ученый-краевед Б.Л. Выродов, активно разрабатывавший тему «Декабристы на Кубани».

Письмо от 27 января было написано после завершения Пленума ЦК КПСС «О выполнении государственного плана и социалистических обязательств по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства в 1960 г. и о мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства», состоявшегося 10–18 января 1961 г. Его решения предусматривали значительные затраты бюджета страны на сельское хозяйство, большую финансовую помощь колхозам с использованием резервного фонда Совета Министров СССР. Скорее всего, именно поэтому Михаил Петрович писал С.Ф. Ковалю в этом и во всех последующих письмах, что на расходы по устройству музея рассчитывать не приходится. Понимание этого звучит и в ответном письме Семена Федоровича от 30 января:

«Дорогой Михаил Петрович!

Немного задержал ответ, надеясь на Ваше снисхождение. Просьбы Ваши выполнил, и стоило это очень небольшого труда. Вот Вам <...> отчет:

В “Ангаре” Ваш очерк принят и будет напечатан в № 1 за 1961 г. (т.е. в марте этого года должен появиться уже № 1). Об этом меня заверил Кунгуров Гавр[иил] Филипп[ович]⁵³ и зам[еститель] ред[актора] “Ангары” Титов. Как он сам мне заявил, письмо он Вам написал лично, и Вы, может быть, уже получили его раньше, чем получите мое известие.

<...> Относительно предполагаемого возбуждения “дела” о музее декабристов в Иркутске слухи докатились и до Иркутска. Кто-то в Москве выступил с просьбой к иркутским историкам поддержать ходатайство москвичей о музее в Иркутске, и меня “обязали” местные историки во главе с Дуловым⁵⁴ написать проект письма-ходатайства. Должен буду завтра его написать, но будет ли прок после выступления Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК – не знаю. Боюсь, что из этого может ничего не получиться. Но за попытку в лоб никто не ударит. Поэтому попробовать стоит. Нужны особенно сильные аргументы.

Дела немного отпустили меня для перерыва. Началась сессия, а у меня в эту сессию ничего нет. Понемногу работаю в архиве, больше занят поляками, т.к. в период празднования 300-летия Иркутска <...> выступать с лекцией о польских ссыльных в Иркутске. Условия работы очень тяжелые: холодно и мрачно в этом подземелье, а читальный зал вообще закрыт, т.к. совершенно невозможно в нем работать.

Мечтаю о поездке в Москву, но Институт славяноведения и лично Миллер⁵⁵ молчат. Поэтому надежда на вызов окончательно пропала, а без него никакой поездки не состоится, т.к. меня никто иначе не отпустит. Но еще подождем немного – увидим.

Крепко Вас обнимаю и желаю Вам всего наилучшего, успехов и здоровья. Ваш С. Коваль»⁵⁶.

Страсти по музею разгорались в Иркутске и в Москве, причем в письмах М.П. Волконского, инициатора и горячего сторонника организации музея, все чаще появлялись не только тревожные нотки, но и настоящая обеспокоенность и стремление затормозить процесс направления ходатайства. 6 февраля 1961 г. он писал в Иркутск:

«Дорогой Семен Федорович!

Получил Ваше письмо, и если первая его часть о моих статьях меня порадовала, то вторая часть, о музее, повергла меня в сильное волнение. Главное, что Вы не пишете, какая это группа москвичей собирается ходатайствовать. А это так важно знать. Сейчас поднимать этот вопрос совершенно несвоевременно. Я говорил со многими сведущими людьми, и все того мнения, что надо переждать. Может получиться совсем плохо, так как откажут, а после отказа возобновлять просьбу гораздо труднее. Б.Г. Кубалов совершенно со мной согласен,

⁵³ Кунгуров Гавриил Филиппович (1903–1981), русский советский прозаик, критик, литературовед, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Ангара».

⁵⁴ Дулов Всеволод Иванович (1913–1964), исследователь истории Сибири, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Иркутского государственного педагогического института.

⁵⁵ Миллер Илья Соломонович (1919–1978), советский историк и археолог, доктор исторических наук (1965), профессор.

⁵⁶ ИМД 397/38. Док–477. Л. 8–8 об.

Вера Евгеньевна⁵⁷ тоже думает, что никаких ассигнований на такое дело не дадут. Я Вас очень прошу, во имя декабристов, не начинайте этого дела, а мне сообщите, что это за московские деятели такие. Об этом вопросе очень интересовался проф[ессор] МГУ Степанов, бывший в этом году в Иркутске, и хотел предпринять шаги совместно с историками, но потом тоже понял, что сейчас не время. Надо ждать. Прошу Вас передать все это В.И. Дулову с моим искренним приветом, надеюсь, он поймет, что нам тут многое виднее и что нет человека, который больше мечтал бы о таком музее, чем я. Но еще раз повторяю НЕ ВРЕМЯ!!! Надеюсь, что Вы умерите Ваш пыл и, написав проект письма, положите его на время под сукно. В этом деле меня, конечно, очень интересует, что это за московское ходатайство. Ведь о музее писал только я один; связано ли это предполагаемое ходатайство (и кому его собирались отправлять) с моей статьей в “Лит[ературной] газ[ете]” или это совсем стороннее дело. Будьте милым, черкните как можно скорее обо всем, что знаете.

Большое Вам спасибо за все хлопоты, а если Вы сумеете остановить Ваше письмо, то вдвойне спасибо. Если же Вы мне укажете, кто эти московские ходатаи, то я смогу войти с ними в сношения и узнать, в чем дело, и им кое-что объяснить.

Дело музея серьезное и большое, надо действовать наверняка, чтобы вышел результат положительный. Поймите меня, я действую не ради личных побуждений, а только из интереса к делу, которое для меня очень дорого.

В Институте славяноведения в конце января было трехдневное совещание, насколько я понял, именно то, о котором Вы пишете. Почему вас не вызвали – не знаю, но очень жалею, что лишен был возможности еще раз повидать Вас.

<...> Обнимаю Вас крепко, всего лучшего желаю.

Если же, несмотря на мою просьбу, иркутяне пожелают выступить с таким письмом, прошу моего имени в нем не упомянуть»⁵⁸.

Через два дня, 8 февраля, М.П. Волконский вновь писал С.Ф. Ковалю:

«Дорогой Семен Федорович!

Вслед за моим последним письмом сообщаю еще следующее: проф[ессор] Степанов, о котором я Вам писал, беседовал вчера в Мин[истерстве] культуры РСФСР с товарищем, в ведении которого находятся все музеи Сибири; показал ему мою заметку в “Лит[ературной] газ[ете]”. Ему ответили, что в принципе проект встретил бы поддержку Министерства, но что СЕЙЧАС СОВЕРШЕННО НЕСВОЕВРЕМЕННО ПОДНИМАТЬ ЭТОТ ВОПРОС. Причем этот товарищ из Министерства указал и пути к осуществлению этого плана. Об этом я Вам сообщу тогда, когда мне здесь скажут, что можно действовать наверняка. Надеюсь, дорогой мой, что Вы поймете мое волнение о том, что необдуманным поступком можно все испортить. Верьте, что я движим одним желанием: осуществлением заветной моей мечты – созданием музея дек[абристов] в Иркутске. Пока что, значит, ждите, ждите и ждите. И сообщите, если это не тайна мадридского двора, кто эти таинственные “кто-то” из Москвы, кто просит поддержать их ходатайство. Надо их нейтрализовать и обезвредить, чтобы не погубить всего дела. Или это неопытные люди, или вредители наши. Я много переволновался, сейчас у меня грипп, так что поговорить с Б.Г. Кубаловым не мог, но звоню Вере Евгеньевне, которая со мной солидарна.

<...> Вот пока все.

Обнимаю Вас, привет всем, всегда помню иркутян и умру спокойно, если будет музей. А для этого надо ждать»⁵⁹.

Что послужило причиной для столь сильного волнения, сейчас сказать трудно. Возможно, обеспокоенность М.П. Волконского, князя и бывшего эмигранта, которую он выразил в заметке, состоянием памятников, связанных с пребыванием декабристов в Сибири? Может быть, и несвоевременность расходов на создание музея в области, где количественные и качественные показатели развития сельского хозяйства оставались низкими и не удовлетво-

⁵⁷ Дербина Вера Евгеньевна (1904–1999), историк-архивист, ученица, а затем жена Б.Г. Кубалова.

⁵⁸ ИМД 397/39. Док-478. Л. 13–13 об.

⁵⁹ ИМД 397/39. Док-478. Л. 14.

ряли потребностей страны. Тем более, что затраты на создание музея были связаны не только с реставрацией домов и экспозицией, но в первую очередь с их расселением и предоставлением жильцам коммуналок квартир, в которых в Иркутске был явный недостаток.

Следующее письмо было написано и отправлено 11 февраля 1961 г. «Надеюсь, – писал М.П. Волконский, – что получили мои два письма от 6 и 8 февраля, прониклись их содержанием и моим волнением и не предприняли ничего по «делу» музея. Будем терпеливо ждать. Сообщу Вам своевременно, так как вижу много людей, которые заинтересованы в этом деле и знают, куда дует ветер»⁶⁰.

Нарастающие напряженность и волнение в «деле» о музее выразились в том, что за короткий период с 6 по 13 февраля С.Ф. Ковалю было послано три письма и даже телеграмма следующего содержания: «Считаю поднимать вопрос музея преждевременно подробности письмом Волконский»⁶¹.

Ответ Семена Федоровича был спокойным и взвешенным:

«Дорогой Михаил Петрович!

Пока советовался по вопросу, решение которого Вы просили отложить и подождать, получил от Вас три письма. Отвечаю на все сразу.

<...> Возник вопрос по письму сотрудницы АН СССР (кажется, Института экономики) Некрасовой, которая в письме к члену нашей кафедры Овсянниковой⁶² просила поддержать их (кого – трудно сказать, но, вероятно, это группа ученых, в число которых входит и Степанов, проф[ессор]) особым ходатайством иркутских ученых и вообще всех заинтересованных лиц. Эту просьбу Овсянникова сообщила в ОК КПСС, откуда зав. отделом вузов и школ Макаров попросил проф[ессора] Дулова подготовить проект письма-ходатайства, которое уже Вс[еволод] Ив[анович] Дулов попросил написать меня. Так я и занялся этим делом. Подготовил два варианта письма, одно из которых принято и Дуловым, и Макаровым. Осталось только добавить немного о 300-летию Иркутска и важности решения вопроса о музее к этой дате и некоторые редакционные правки внести. Но всего этого я еще не сделал. Следуя Вашему совету, тяну, держу проект письма у себя и ходу ему не даю. Но начинаю уже сомневаться в правильности такого хода дела, т.к. может быть упущен момент, определяемый приближающимся 300-летием г. Иркутска.

Дорогой Михаил Петрович! Я знаю, как Вы заинтересованы в положительном решении этого вопроса, поэтому от Вас зависит определение своевременности такого письма от иркутян. Сейчас Вам бы через Степанова узнать подробнее у Некрасовой мотивы ее обращения за поддержкой к иркутянам. И почему она обратилась через частное письмо, а не официальным образом, скажем в ОК КПСС или в университет за поддержкой.

Письмо я все-таки отработаю и дам для обсуждения по вузам и для подписи. А отправку его задержим до окончательного выяснения обстоятельств. Как будто в своем письме Некрасова заметила, что решение вопроса о музее декабристов в Иркутске не стоит в связи с последними выступлениями Н.С. Хрущева на этот счет. Как будто она уверена в положительном решении вопроса.

Вот и Вам новые задачи и новые хлопоты! Думаю, что они Вас не очень обременят.

Дела мои идут своим чередом. Командировку мне на 24–27 января в Институт славяноведения сорвали. Все было оформлено институтом и своевременно послано, только наше начальство сообщило мне об этом 8 февраля. Такой «оперативности», пожалуй, не найти нигде. Добиваюсь сейчас командировки на май. Не знаю, дадут ли?!

Крепко Вас обнимаю, искренне Ваш С. Коваль. 21.И.61 г.»⁶³

Следующее письмо М.П. Волконского от 24 февраля 1961 г. частично дает понять, почему его так беспокоила инициатива открытия музея в Иркутске после появления заметки

⁶⁰ Там же. Л. 15.

⁶¹ Там же. Л. 12.

⁶² Овсянникова Нина Дмитриевна (1923–?), канд. ист. наук, с 1953 г. преподаватель, а затем доцент кафедры истории СССР Иркутского государственного университета.

⁶³ ИМД 397/38. Док-477. Л. 9–10.

в «Литературной газете». Правнук декабриста прекрасно понимал разницу между частными и общественными побуждениями и обоснованно волновался, как бы его частная идея не повредила всему «делу» музея:

«Дорогой Семен Федорович! Получил Ваше письмо от 21-го и спешу Вам ответить. Сегодня был специально по этому вопросу у Бориса Георгиевича. Теперь Вы мне многое объяснили. Если дело идет уже через ОК КПСС, собираются подписи в вузах, все это приурочивается к 300-летию Иркутска – то не мне же, ЧАСТНОМУ человеку, останавливать Ваше ходатайство. Не будет же обком идти напролом, знает же, что можно и что нельзя просить. Я полагаю, что в таком случае действуйте как найдете лучшим, и будем надеяться, что к юбилею города будет музей. Для меня, кроме радости, это ничего не принесет. Одно Вы мне не пишете – идет ли речь о доме Волконского, как я просил, или где в другом месте. Конечно, создание такого музея, в общем, полезное дело, но было бы жаль, если бы не воспользовались домом моего прадеда, так как этим все-таки увековечили бы и его имя.

Звонил проф[ессору] Степанову, который, по-видимому, знает, кто такая Некрасова, он еще постарается узнать точнее, и как войти с ней в сношения. Я у него буду в воскресенье. Послезавтра и в понедельник напишу Вам дополнительно. Главное, узнать, откуда у Некрасовой такая уверенность в положительном результате. Помните, что я Вам писал, что тот же проф[ессор] Степанов узнавал в Министерстве культуры РСФСР и ему ответили, что несвоевременно. Но повторяю, что я не считаю себя вправе, как лицо совершенно частное, останавливать Ваше ходатайство, раз оно принимает такой серьезный оборот и приурочено к юбилею Иркутска. Желаю от души благополучного исхода дела. Я Вам сообщу дополнительно все, что узнаю о Некрасовой.

Спасибо за хлопоты о статье. Жду появления “Ангары” с нетерпением. Хотел бы получить 10 экземпляров, Кубалов мне советует заказать их “Книга – почтой”, а то вдруг редакция не вышлет, а мне надо здесь для подарков. Делает ли вообще редакция такие посылки с вычетом стоимости из гонорара? Простите, что затрудняю Вас всеми этими делами, но Вы такой внимательный друг и приятель, что просто чудо!!

“Оперативность” Вашего начальства поразительна – и мы из-за этого лишились удовольствия Вас видеть в Москве. Надеюсь, что в мае это сбудется, очень бы хотел повидать Вас. Надеюсь, что все мои знакомые и друзья в славном граде Иркутске здоровы и благополучны. Большой привет Федору Александровичу и Зинаиде Александровне. Никогда не забуду их ласкового и сердечного ко мне отношения. Мечтаю о приезде в Иркутск, но... На сегодня довольно. У меня работы очень много, и немного устал. Но ничего!

Сердечное спасибо за все, крепко Вас обнимаю.

Не совсем мне ясна одна вещь: собрав подписи под ходатайством, куда вы его направляете? Некрасовой частным образом?? Я это постараюсь выяснить у нее, конечно. И потом. Какова роль обкома? Просто ли он одобряет ваше ходатайство и текст его или тоже участвует в подписях. Это очень важный вопрос. По-моему, чем официальнее ходатайство, тем лучше, а то частное так и погрязнет где-нибудь. Все это я постараюсь узнать у Некрасовой и кто вместе с ней действует»⁶⁴.

После этого письма, более спокойного и оптимистичного, Михаил Петрович написал еще одно 28 февраля, где отчитался о своих встречах и разговорах с членами московской инициативной группы:

«Дорогой Семен Федорович!

Был я у проф[ессора] Степанова, который рассказал мне о своем разговоре с Некрасовой. Она канд[идат] ист[орических] наук и была с ним в Иркутске. Ехали они в машине вместе с т. Макаровым, и Степанов развивал свою мысль о необходимости создания музея, причем обратился к ней: “Вот вам, молодым, заняться этим делом”. На этом разговор кончился, и больше он о ней ничего не слышал. Обещал мне достать ее телефон, связаться с ней. Ну вот. А пять минут тому назад Некрасова звонила мне по телефону, и мы поговорили минут пять.

⁶⁴ ИМД 397/39. Док-478. Л. 16–16 об.

Мысль ее совпадает с тем, что мне говорил Степанов, а именно по получении письма-ходатайства из Иркутска (которое Вы должны послать в историю КПСС⁶⁵ и копию Некрасовой. Она хочет собрать подписи видных историков), привлечь сюда и Нечкину, с которой я буду говорить после 7 марта, когда она вернется в Москву, и когда такое письмо-заявление будет напечатано (либо в журналах, либо в газетах), уже обратиться прямо в Министерство культуры РСФСР для конкретизации дела. Важно приурочить это к юбилею Иркутска. Она считает, что высказывания Н.С. [Хрущева] никакой роли здесь играть не будут, так как дело совсем особое, и юбилей-то редкостный.

Вот все, что я смог узнать для вас. Думаю, что можно начинать дело, но ручаться за успех вообще никогда нельзя, так как мы ведь не знаем настроения высших инстанций, которые в конечном счете будут решать. Некрасова обещала держать меня в курсе дела, много говорила о том, что музей, конечно, должен быть только в доме моего прадеда, повторяла, что она очень загорелась этим делом. Считаю даже лучше, что делом этим будет заниматься лицо, так сказать, третье, а не я, как наиболее заинтересованный в семейном смысле. Главное, чтобы удалось, тогда и я буду счастлив, что приложил свою руку. А статьи мои достаточно красноречиво говорят об этом, о моем отношении к этому делу.

Вот, дорогой Семен Федорович, все, что могу сообщить Вам. Теперь решайте сами в Иркутске; коли составили ходатайство, то посылайте его, а я буду держать Вас в курсе того, что здесь будет происходить. Пока ничего добавить не могу. Очень интересно для меня, что скажет Нечкина, она все-таки близка к верхам и многое знает, чего могут не знать маленькие люди. После разговора с ней напишу Вам еще раз.

Как «Ангара»? Когда появится? Жду не дожусь!

Кончаю, так как очень устал. Перепечатаваю письма прадеда, те 23, что готовлю к печати, пишу комментарии, так надеюсь, что поспею вовремя и что меня не очень за подачу их разругают.

Обнимаю Вас, всем привет»⁶⁶.

Обращают на себя внимание неоднократные упоминания в письмах и М.П. Волконского, и С.Ф. Коваля в связи с созданием музея декабристов о выступлениях первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. И если в одном из первых писем Семена Федоровича речь идет о конкретном выступлении на Пленуме ЦК КПСС, то в дальнейшей переписке двух корреспондентов никаких уточнений о тематике или датах выступлений нет. Пока не удалось найти и высказываний советского вождя в начале 1961 г., в которых хоть как-то были отражены проблемы, связанные с культурным строительством этого времени.

В марте переписка С.Ф. Коваля и М.П. Волконского стала менее активной, сказывалась занятость обоих корреспондентов. Михаил Петрович по-прежнему писал чаще, интересуясь временем выхода в «Ангаре» своего очерка и «делом» о музее:

«Дорогой Семен Федорович!

Как течет Ангара??? По старому руслу или по типографскому станку? Жду не дожусь выхода альманаха – уж очень хочу, чтоб статья моя увидела свет! Сообщите, как дела.

А что же с Вашим письмом-ходатайством? Отправили ли в Москву или нет? Я еще у Нечкиной не был, не знаю, какова будет ее реакция на все это дело. Она обещала мне позвонить и сказать, когда сможет уделить несколько минут, да до сих пор не звонит. Некрасова тоже ничего не дает знать. Так что я в полной темноте по данному вопросу. А все меня интересуется. Дело-то больше хорошее. Мы часто толкуем с дорогим Борисом Георгиевичем. Ах, какая же у него светлая голова. Советуюсь с ним по многим вопросам, бываю примерно раз в неделю, очень его люблю и уважаю.

<...> Дело с печатанием 23 писем С[ергея] Г[ригорьевича] подвигается. Сейчас занят примечаниями, потом сяду за небольшую вступительную статью, в мае надо все сдать. Это будет большим для меня праздником!

⁶⁵ Скорее всего, речь идет о советском научном журнале «Вопросы истории КПСС», органе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

⁶⁶ ИМД 397/39. Док-478. Л. 18.

Жду от Вас вестей, а пока что желаю Вам всего, всего хорошего. Сердечный привет Федору Александровичу и сотрудникам “Ангары”.

<...> Всех благ, Ваш М...»⁶⁷.

25 марта Волконский сообщил С.Ф. Ковалю о встрече с М.В. Нечкиной, ведущим и авторитетнейшим декабристоведам страны:

«Видел М.В. Нечкину и говорил с ней о разных делах и, конечно, о музее в Иркутске. Она сказала, что, приурочив это к 300-летию города, можно ждать одобрительного ответа. Но она считает, что ход делу должен быть дан по всем правилам закона, т.е.: местные городские власти – горсовет, обком – должны ПОСТАНОВИТЬ, что надо открыть такой музей в доме Волконского, составить смету, все как полагается, и после на утверждение в Москву, в Мин[истерство] культуры РСФСР. Вот такое постановление ученые круги Москвы и могут проталкивать и поддерживать. Сама Нечкина тоже даст свою подпись, но только если будет такое постановление. А если только будет письмо общественных деятелей Иркутска в журнале “История СССР”, то она считает трудновато его поддерживать, оно еще ничего не означает, это всего лишь пожелание. В первом же случае постановление хозяев города. Понятна разница? Я звонил Некрасовой, но она ничего от Вас из Иркутска не получила; думает, что Вы там готовите и письмо, и постановление. Интересно знать, как и что? Сообщаю Вам мнение Нечкиной, как лица весьма авторитетного и заинтересованного в благополучном исходе дела.

Жду вестей об “Ангаре”. В “Вопросах литературы” появилась моя статейка о читинском издании “Записок” Марии Николаевны. <...>

Завтра иду к Борису Георгиевичу, будем вспоминать Вас и, возможно, выпьем за Ваше здоровье и за милую Сибирь и славный град Иркутск!

Ну, дорогой, обнимаю Вас крепко, и спасибо, спасибо, СПАСИБО!»⁶⁸

С.Ф. Коваль отвечал Волконскому сразу на несколько его писем 31 марта:

«Дорогой Михаил Петрович! Миллион извинений за столь продолжительное молчание. Вина моя, конечно, но есть небольшие, смягчающие вину обстоятельства: большая учебная загруженность, участие в лекториях, общественные дела и желание ответить на все Ваши вопросы. Можно было отвечать поочередно, но я никак не мог собраться с силами и временем. Извините, пожалуйста, что так долго заставил ждать.

<...> Письмо о музее декабристов сейчас находится на сборе подписей, затем на следующей неделе будет передано в обком КПСС проф[ессором] Дуловым с рекомендацией дать ход после вынесения соответствующего решения облисполкома. Только при этом условии оно (в 3 экз.) будет направлено в Москву (в журнал, министерство и Некрасовой). В письме прямо указано, что музей должен быть открыт в домах Волконского и Трубецкого. Важно оба дома передать музею, а там выставочный зал будет в доме Волконского, а дом Трубецкого – под отдел фондов.

Дело с альманахом продвигается успешно. Уже есть корректура <...>.

Думаю, что в апреле альманах выйдет, и я Вам устрою отправку нужных Вам экземпляров. Можете на этот счет не беспокоиться.

К тому времени, может быть, выйдет в свет и моя статья в “Трудах” Бурятского научно-исследовательского института о братьях Бестужевых. Корректура уже была. Тогда я Вам вышлю все вместе. А может быть, в мае, а я еще не потерял надежду на получение командировки, я привезу все сам. Это было бы идеально. Работу в архиве сейчас сократил, т.к. завален учебными делами – курсовыми и дипломными работами, от чтения которых уже голова идет кругом. А тут еще предстоит дать статью в газету о декабристах в Иркутске (по плану предъюбилейных мероприятий и для радио). Писать по-старому не могу, а по-новому еще не могу, надо поработать, а времени нет. И отказа не принимают.

Вот таковы, дорогой Михаил Петрович, дела. А Вы хорошо делаете, что не теряете времени и готовите письма к изданию. Очень хорошее дело сделаете; в частности, и для всех

⁶⁷ ИМД 397/39. Док-478. Л. 19–19 об.

⁶⁸ Там же. Л. 20–20 об.

тех, кто захочет что-либо узнать о декабристах в Иркутске. Желаю Вам всех благ и самых больших успехов.

Обнимаю Вас, искренне Вам преданный С. Коваль.

P.S. Обещаю дальше отвечать регулярно!

Будете звонить М.В. Нечкиной, передайте мои поздравления (запоздалые!) в связи с ее 60-летием. Узнал из “Литературной газеты”, а посылать телеграмму посчитал неудобным *post factum*»⁶⁹.

Судя по письму С.Ф. Ковалья, вопрос о музее прорабатывался в Иркутске довольно серьезно. Очевидно, что предполагалось музеефицировать оба дома, скорее всего, в составе краеведческого музея. Хотя если дом Трубецких мог быть использован под фондохранилище и принималась идея М.П. Волконского о создании центрального музея декабристов с общедекабристской тематикой и объединенными коллекциями, то, возможно, уже тогда могла идти речь об отдельном музее.

В настоящее время трудно сказать, каково было содержание ходатайства. Благодаря коллегам из Государственного архива Иркутской области удалось обнаружить в документах архивного фонда Комитета по социальной политике и культуре администрации г. Иркутска недатированный документ, предположительно 1968 г., – копию черновика ходатайства старших преподавателей Иркутского государственного университета о необходимости создания декабристского мемориала в Иркутске. В тексте письма есть обоснование создания заповедника и положения, которые вполне могли быть в ходатайстве 1961 г., а именно: «Просить Совет Министров РСФСР и Министерство культуры принять решение и отпустить соответствующие средства на создание мемориала-музея, посвященного декабристам, с учетом:

- реставрации домов декабристов Трубецкого и Волконского <...>,
- организации декабристского филиала исторического музея в указанных домах <...>»⁷⁰.

В апреле и мае С.Ф. Коваль получил от правнука декабриста еще три письма. 3 апреля Михаил Петрович писал:

«Дорогой Семен Федорович!

Огромное спасибо за все Ваши хлопоты. У меня совесть неспокойна, что Вы так много мне времени уделили. Нехорошо с моей стороны, зная, как Вы заняты, так эксплуатировать Вас. С другой стороны, не пустой это каприз, а все нужные вещи.

<...> О музее тоже интересные сведения, что постановят горком и обком. Надеюсь, что постановят утвердительно и что все бумаги пойдут в Москву. Боюсь, однако, чтобы не заартачились тут, когда дело дойдет до неминуемых ассигновок. Держите меня, пожалуйста, в курсе дела.

“Ангара” течет довольно медленно, если только в апреле появится <...>.

Дело с публикацией писем подвигается, но еще есть несколько мест, которые надо правильно откомментировать. Буду рад, когда сбуду это с плеч, и тогда займусь ленинградским архивом – там непочатый край!!! Нечкиной при случае непременно передам Ваши поздравления.

Не слишком уставайте, берегите свои силы! Еще раз горячо благодарю Вас за все хлопоты, постараюсь их избегать. Всем сердечный привет»⁷¹.

22 апреля в очередном письме Михаил Петрович сокрушался о судьбе своего очерка, уже почти совсем разуверившись в скором выходе альманаха из печати:

«Дорогой Семен Федорович!

Очевидно, Ангара никогда не потечет в мою сторону!! Я совсем отчаялся получать добрые вести. Апрель уже на исходе, через две недели я сдаю в печать 24 письма в “Записки” РО Лен[инской] библиотеки, работы очень много на последнем этапе, а об “Ангаре” ни слуху ни духу. В чем дело? Кстати, я подумал, что, может быть, там, как у нас в

⁶⁹ ИМД 397/38. Док-477. Л. 11–12 об.

⁷⁰ ГАИО. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 89. Л. 170.

⁷¹ ИМД 397/39. Док-478. Л. 21.

больших журналах, дают оттиски статей. Тогда, конечно, не стоит присылать весь номер журнала целиком, а только оттиск. Но возможно, что этой столичной выдумки у вас и нет в Иркутске. Тогда, понятно, вышлите 10 номеров. Боюсь только, что Вам задал много беспокойства, простите великодушно. Вам же я пришлю оттиски 24 писем прадеда, как только они будут напечатаны. Сейчас надо писать вводную статью, очень ответственно и сложно. Впервые пишу такой серьезный труд и, понятно, волнуюсь, чтоб удалось хорошо. Спешу, да и устал порядком. Шлю Вам самый сердечный привет и крепко обнимаю»⁷².

Наконец, 22 мая 1961 г. М.П. Волконский написал Ковалю о получении альманаха со статьей:

«Дорогой Семен Федорович!

Борис Георгиевич читал мне Ваше письмо, я ужаснулся – нельзя так много работать!! Вы человек ценный и нужный всем, не только Вашим друзьям, а так Вы себя загубите и наживете чахотку во цвете лет. Поберегите себя, очень прошу Вас.

Получил от Титова авторский экземпляр «Ангары». Наконец-то! Статья-очерк прекрасно выглядит и красиво оформлена, так что я очень доволен. <...> Написал поздравление Федору Александровичу. Он получил заслуженную награду за его труды. А что же с музеем?? Дело заглохло, что ли? Меня этот вопрос, понятно, волнует, но ниоткуда никаких вестей. ??? Хоть на открытке черкните два слова (открытку можете писать в автобусе или трамвае, чтобы не отнимать Вашего драгоценного времени).

Сдал свою работу – публикацию 23 писем прадеда, выйдут осенью в Записках РО ГБЛ! Это будет большой праздник для меня. Скоро еду в Ленинград копаться там в архиве Волконских.

Ну, дорогой, не хочу отнимать Вашего времени, спасибо за все, крепко Вас обнимаю и желаю всего хорошего»⁷³.

Последнее сохранившееся в архиве М.П. Волконского письмо С.Ф. Ковалю датировано 27 июня 1961 г.

«Дорогой Михаил Петрович! Спасибо за память и весточки из Ленинграда. Получал их аккуратно, но отвечать решил, подождав Вашего возвращения. Теперь Вы уже дома, вероятно, в Москве, поэтому рад поздравить Вас с выходом очень хорошей статьи о С.Г. Волконском. Очень хорошо во всех отношениях, и по форме, и по содержанию; она будет прочитана с большим интересом и специалистом, и рядовым читателем. Желаю Вам всяческих успехов на этом благородном поприще!

Теперь о ваших вопросах. Они не так сложны, но я не особенно вникал в них, т.к. Вы имели непосредственную связь с Титовым. Я понадеялся на него, вот почему и гонорар отправлен Вам только 10 июня, а наложенным платежом отправлены ли экземпляры «Ангары» – не знаю, не уточнял, но мне еще тот раз Титов заявил, что отправлены. Пока от себя я Вам отправляю три экземпляра (хотел пять, но не оказалось больше в магазине!). Пусть они Вам будут свидетельством моего самого глубокого к Вам уважения и преданности, вопреки всем обратным мыслям, протекающим из неаккуратной моей переписки с Вами. Право, в самом деле было трудное время, но которое уже прошло. Теперь осталось одно заочное отделение, с которым справиться значительно легче.

Командировка моя, кажется, окончательно повисла в воздухе. Нет денег на командировку. Ехать на собственные тоже не могу, т.к. надо будет еще раз поехать в Крым (в Алушту) подлечить свой бронхит. В Москве, у Вас, конечно, буду обязательно где-то в сентябре.

А пока надо трудиться. В архиве бываю, занимаюсь сейчас Потаниным в связи с его отзывом о Черском. Хочу иркутский период деятельности Потанина (1887–1890) изучить полностью и обобщить в статье совместно с А.Г. Грумм-Гржимайло (из Ленинграда).

⁷² Там же. Л. 22.

⁷³ Там же. Л. 23.

Все Ваши иркутские друзья и знакомые Вас помнят и желают Вам всего самого наилучшего. Крепко Вас обнимаю, искренне Ваш С. Коваль»⁷⁴.

Из Москвы был получен, как всегда, теплый, дружеский и обстоятельный ответ Михаила Петровича с благодарностями, новостями и вопросами:

«1 июля 1961 г. Дорогой Семен Федорович!

Наконец-то от Вас письмо, а то я уж беспокоился – не случилось ли что с Вами. Перегрузили себя работой до последней невозможной степени! Сердечное Вам спасибо за присылку трех экземпляров “Ангары”. <...> Очень тронут Вашим теплым отзывом о моей скромной работе; рад, что она вышла в Иркутске и что ее будут читать иркутяне. Теперь осенью выйдут 23 письма моего прадеда; вчера подписал издательский договор с ГБЛ, т.е. “Записками” РО.

Это более интересно будет. Дальнейшее покажет время. В Ленинграде провел время с пользой, нашел огромный материал, но неравноценный, надо сделать отбор, буду сейчас вести переговоры с издательством. Завтра иду к Кубалову, ему опять было хуже. Вера Евгеньевна мне сказала, что ничего плохого, но ввиду его возраста, понятно, надо быть осторожным. А в Ленинграде мне удалось познакомиться с ВНУЧКАМИ декабриста Ивашева⁷⁵, удивительно милые и бодрые старушки – 86 и 85 лет!!! Вот это я понимаю. Разговоров было без конца, они приняли меня как родного.

Но почему Вы, дорогой мой Семен Федорович, упорно отмалчиваетесь, чем кончилось дело с музеем! Ни звука, ни слова! Вы думаете, что если что не удалось, так известие об этом меня убьет? Конечно, мне будет грустно, что эта мечта отодвигается, но все же я хочу знать, чем кончились все ваши хлопоты, подписи и т. п. В каждом письме я Вас об этом спрашиваю, а Вы упорно молчите. И Федор Александрович мне написал и много в письме говорит о юбилее города, а о музее ни слова! В чем же там дело?

Буду ждать Вас в сентябре с нетерпением и надеюсь тогда сообщить что-нибудь интересное о моих декабристских делах. Только бы иметь силы дотянуть и сделать эту работу. А там и на покой... в Сибирь. Всегда мечтаю об этом благодатном крае.

Ну, пора кончать. Шлю Вам самый сердечный привет и мои наилучшие пожелания и прошу передать мой привет всем знакомым.

Крепко Вас обнимаю»⁷⁶.

Чем кончилось дело с музеем в 1961 г., сейчас спросить уже не у кого. Скорее всего, в то время так и не получилось добиться постановления обкома КПСС о создании музея. Очевидно лишь то, что письмо, подписанное иркутскими и московскими учеными, либо не было отправлено ни в один исторический журнал, либо оно не было опубликовано. Михаил Петрович Волконский умер 18 сентября 1961 г. в возрасте 70 лет, не дожив не только до открытия музея декабристов в Иркутске, но и до выхода в свет «Записок» Отдела рукописей ГБЛ с опубликованными письмами прадеда и не осуществив своего грандиозного замысла – издания эпистолярного наследия С.Г. Волконского.

Идея М.П. Волконского о создании музея декабристов в Иркутске была реализована через десять лет ее горячим сторонником и деятельным соратником Михаила Петровича – С.Ф. Ковалем. Думается, что Семен Федорович, продвигая идею музея, обдумывая его концепцию, не раз вспоминал «назойливого потомка знаменитого предка», как называл себя правнук декабриста.

Литература

Иванов А.А. «...Любящий Вас Б. Кубалов» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2016. Т. 16. С. 221–229.

⁷⁴ ИМД 397/38. Док-477. Л. 13–14.

⁷⁵ Речь идет о знакомстве с Верой Петровной Фандерфлит (1875–1966) и Екатериной Петровной Александровой (1876–1987), внучками В.П. Ивашева, проживавшими в Ленинграде.

⁷⁶ ИМД 397/39. Док-478. Л. 24.

Перцева Т.А. Коваль Семен Федорович (1923–2005) // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2008 год. Иркутск: Иркут. обл. гос. универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2007. С. 158–163.

Семен Федорович Коваль. Библиографический указатель: сост. Т.А. Перцева, О.А. Потанина, Е.А. Ячменев. Иркутск: [б.и.], 2003. 19 с.

Шевченко Я.А. Личный архив М.П. Волконского в фондах Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Иркутск: Иркутский ун-т, 1995. Вып. 3. С. 72–91.

References

Ivanov, A.A. (2016). “...Lyubyashchiy Vas B. Kubalov” [“...B. Kubalov loving You”]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 16, pp. 221–229.

Pertseva, T.A. (2007). Koval Semen Fedorovich (1923–2005). In *Priangar’e: gody, sobytiya, lyudi: calendar znamenatelnykh i pamyatnykh dat Irkutskoi oblasti na 2008 god*. Irkutsk, pp. 158–163.

Pertseva, T.A., Potanina, O.A., Yachmenev, E.A. (Eds.). (2003). Semen Fedorovich Koval. Bibliograficheskiy ukazatel [Semyon Fedorovich Koval. Bibliographic index]. Irkutsk. 19 p.

Shevchenko, Ya.A. (1995). Lichnyy arkhiv M.P. Volkonskogo v fondakh Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Personal archive of M.P. Volkonsky in collection of Irkutsk museum of local history]. In *Kraevedcheskie zapiski*. Irkutsk, iss. 3, pp. 72–91.

Статья поступила в редакцию 06.10.2020 г.